

Толгуров Тахир Зейтунович

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС И ОПЕРЕЖАЮЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗА

В статье рассматривается явление превентивного формирования эстетических моделей объектов, не опознанных в реальном универсуме рациональным сознанием. Вводится понятие нижнего информационного предела поэтического образа и показывается, что в среде наиболее развитых типов поэтических структур существует вероятность появления матриц виртуальных объектов, идентифицированных на более низком уровне организации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 3. С. 59-63. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Биллярский В.** Материалы для истории Ломоносова. СПб., 1865.
4. **Готье Ю. В.** История областного управления в России от Петра I до Екатерины II.: в 2-х т. М., 1913. Т. I.
5. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Собрание 1. Т. XV. Д. 11.092.
6. **ПСЗРИ.** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Собрание 1. Т. XVI. Д. 11.582.
7. **ПСЗРИ.** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Собрание 1. Т. XVI. Д. 11.616.
8. **ПСЗРИ.** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Собрание 1. Т. XVI. Д. 11.753.
9. **ПСЗРИ.** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Собрание 1. Т. XVI. Д. 11.988.
10. **Эмин Ф. А.** Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном своим разговоры: постоянная жизнь и жестокость фортуны, его гонящей. М., 1781.
11. **Baer S. L.** The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. 308 p.

**STRUGGLE AGAINST BRIBES IN RUSSIA OF THE TIMES
OF CATHERINE THE GREAT AND F. A. EMIN'S EULOGISTIC UTOPIA**

Rostovtseva Yuliya Aleksandrovna

Maxim Gorky Literature Institute

rostoyuliya@yandex.ru

The article is devoted to the novel by F. A. Emin "Themistocles's Adventures" (1763) – the first Utopia, written in the reign of Catherine II. In the center of the study is the controversy with the famous American scientist S. L. Ber, who believed that in his work Emin unmasked the Empress' anti-corruption inaction. Basing herself on the composition originality (the author's dedication to Her Imperial Majesty), historical and legal context of the 60s of the XVIII century, the author proves that the "Adventures" is not satirical, but eulogistic utopia.

Key words and phrases: literary utopia; F. A. Emin; Catherine the Great; a decree on struggle against bribery; bribery; panegyric.

УДК 821.09

В статье рассматривается явление превентивного формирования эстетических моделей объектов, не опознанных в реальном универсуме рациональным сознанием. Вводится понятие нижнего информационного предела поэтического образа и показывается, что в среде наиболее развитых типов поэтических структур существует вероятность появления матриц виртуальных объектов, идентифицированных на более низком уровне организации.

Ключевые слова и фразы: абстрактно-понятийный; гносеологический; реальный; виртуальный; информация; ореольный; ассоциативный; поэтический.

Толгуров Тахир Зейтунович, д. филол. н.

Институт археологии Кавказа

kangaur64@yandex.ru

**ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС И ОПЕРЕЖАЮЩАЯ
ИНФОРМАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗА**

Представление о творчестве вообще, и о словесном – в частности, как об одной из форм познания действительности традиционное. Фактически, ни одна из созданных за историю человечества философско-эстетических доктрин не посягнула на это положение, воспринимаемое на сегодняшний день в качестве аксиоматического. Столь же традиционно, однако, и деление общего пространства бытования человеческого разума на естественно-научную и гуманитарную сферы.

Развитие абстрактно-понятийных форм мышления, инициируемое жизненной практикой, обусловлено цивилизационными институтами человеческого общества в широком понимании. Детерминированность их эволюции вопросов не вызывает – по крайней мере следы хотя бы косвенной связи реальной практики и знания, определяемого ныне как «научное», могут быть выявлены даже в ортодоксально-идеалистических концепциях.

Несколько обособленна в этом отношении позиция Э. Маха, пожалуй, впервые четко сформулировавшего положение о полном равноправии-идентичности иллюзорного и реального в смысле их научной функциональности и гносеологической значимости для человека [19, с. 149].

Эта концепция заслуживает особого внимания, ввиду того, что современные философские воззрения лидеров Брюссельской, например, школы, напрямую восходят к взглядам Больцмана и Маха [24, с. 215-216]. Хотя подобный подход был четко сформулирован задолго до Пригожина [29, с. 98], тем не менее, до Э. Маха и его последователей человечество не сталкивалось с открытым признанием гносеологического, вернее, функционального тождества объекта и его интеллектуальной модели.

От такого понимания соотношения реального и виртуального – всего шаг до осознания особой гносеологической значимости фантазийного, гипотетируемого. В то же время трактовки эстетического изначально либо полностью отказывали ему в способности адекватного постижения бытия, либо, наоборот, усматривали в эстетической коммуникации акт проявления надрационального, вплоть до божественного [22, с. 186-187].

Средневековье явило миру окончательный итог развития этой тенденции, фатально сузив границы эстетического, во-первых, и, во вторых, – окончательно отказавшись от каких-либо попыток анализа информации акта эстетической коммуникации – прежде всего ссылаясь на божественность, а, следовательно, непостижимость ее.

Интересно, что пять с половиной веков – от Николая Кузанского, чья философия знаменует собой пиковую точку развития средневековых доктрин и, одновременно, начало становления мысли Возрождения, и до наших дней – не внесли ничего кардинально нового в понимание эстетического [18, с. 45]. Эстетическое, существующее только в качестве онтологического и нечленимого, – это было вполне закономерно, сначала как явление эзотерического ряда, и затем, не только в силу сокровенности божественного, но обусловленное самим ходом развития человеческой цивилизации, формированием ее как техногенного организма с недвусмысленным признанием главенства рационального постижения бытия.

В то же время, несмотря на имеющиеся принципиально важные мировоззренческие значения открытия физики, химии, биологии, различных отраслей математики и геометрии, вторую половину XX века можно охарактеризовать как период затяжного кризиса естественнонаучного сознания. Физика, а также ее серверные дисциплины, выступавшие на протяжении практически всего периода существования научного мышления в современном его понимании как область основного гносеологического бытования интеллекта, подошли сегодня к некоему рубежу дегармонизации систем знания об окружающем мире.

На высших теоретических уровнях физика сталкивается либо с принципиальной невозможностью объяснения целого ряда явлений и экспериментальных результатов, что в частных случаях преодолевается введением дополнительных гипотезируемых условий, например, в квантово-релятивистской физике – различные версии толкования парадокса Эйнштейна-Подольского-Розена [25], либо, как следует из трудов И. Пригожина, – с необходимостью констатации непознаваемости, а точнее – дерегламентированности бытия и (в качестве закономерного логического итога) очевидной неадекватности человеческого сознания в целом. И следует отметить, что подобный подход в трудах современных философов, если и не стал доминирующим, то, по меньшей мере, признается как нечто само собой разумеющееся. Во всяком случае, один из лидеров Венского и Берлинского кружков Г. Рейхенбах посчитал возможным зафиксировать сугубую иллюзорность существующих методов познания и сложившейся на современном этапе картины мира [28, с. 40].

В то же время, общемировоззренческим отраслям, в том числе искусству, философии и др., отводится роль чисто систематизационная. В ряду факторов, обусловивших настоящий статус гуманитарного знания, особое значение имеет ориентация на субъект отражения, традиционно приписываемая широкому спектру наук. Однако накопленный на сегодняшний день фонд знаний человечества о системе взаимоотношений пары «субъект-объект» вполне допускает различные варианты толкования связей между ними, в том числе абсолютно приемлемой оказывается мысль о внесубъектном, практически автономном бытовании информации [1; 13; 21]. Необходимо отметить при этом, что данный подход имеет весьма глубокие исторические корни [2, с. 17-18].

Опыт развития человеческой цивилизации показывает, что каждый переход на новый, более высокий уровень осознания бытия в сфере естественных (и точных) наук, как правило, предварялся взлетом гуманитарной мысли, а именно – достижениями в области эстетического. Механизм и даже само наличие какой-либо связи между пиковыми этапами развития эстетической и научной мысли, как правило, представляется опосредованным, зависящим от уровня практических потребностей общества [16]. Но какой потребностью были обусловлены картины атомарного строения универсума у Тита Лукреция Кара или гениальная догадка о туннельном качестве звездных ядер В. Хлебникова – остаётся непонятным. И единственное возможное объяснение явлению опережающего моделирования непознанных человечеством объектов – наличие системы превентивного формирования представлений о них в структурах эстетического отражения. В трудах целой группы ученых в качестве таковой выступают модели и последовательность идентификации информации, которые задаются общей конструкцией словесных представлений [17, с. 87]. Интересующая нас суть процесса – факт новообразования стабильных, или относительно стабильных, нейроассоциаций.

Наличие ассоциативных подсистем мозга делает возможным сам процесс идентификации иллюзорного объекта. Воссоздание его вне непосредственного контакта с «первоисточником», характеризуется, вполне вероятно, лишь количественной усеченностью информации, задействованной сознанием, сам же принцип опознания объекта не меняется [30, с. 16].

В таком случае логичным выглядит предположение, что проблема гносеологически достоверной рефлексии как таковой заключена в возможностях взаимообмена информационными массивами между упомянутыми подсистемами мозга (сознания), конечной целью которого при этом является конструирование иллюзорного объекта, в значительной мере адекватного опыту воспринимающего субъекта.

Исходной точкой этого процесса служит инициация процессов идентификации и интеграции информационных массивов при реализации сигнально-мнемонических движений, свойственных человеческому сознанию [Там же, с. 176]. Важно то, что сознание индивидуума имеет структуру сложных информационных комплексов, находящихся в отношениях иерархического подчинения, когда полноценная идентификация объекта обусловлена неизбежным подключением к системам обработки сенсорных и эмоциональных массивов [6, с. 296-301], следующим при поступлении в мозг «концептуального» или «семантического» кода.

Существенным при этом представляется то, что, по всей вероятности, расположенные на разных уровнях рефлексии информационные объемы не подвержены взаимной диффузии, даже будучи замкнутыми в границах содержательного пространства единого семантического кода.

Таким образом, процесс создания иллюзорного объекта представляется как акт многомерного отсева и отбора необходимых информационных составляющих. Конечная цель – формирование суггестивного, т.е. близкого по субъективному сопереживательному алгоритму к реальному, образа – достигается многократным комбинированием отдельных сегментов информационных массивов, отнесенных к системе востребованного в данный момент кода, сопровождаемым постоянной «сверкой» получающихся результатов с предыдущим опытом индивида [15, с. 215].

При этом полифункциональность эстетического отражения, т.е. исключительное свойство одновременного использования всех уровней отражения в акте восприятия конкретных тканевых единиц – «образа» в узком смысле [27] – обуславливает принципиальный момент эволюционного «отсева» суггестивно не значимых элементов информации, что обеспечивает в итоге отбор наиболее вероятных в смысле гносеологической достоверности [3; 5; 31].

Модель этого процесса имеет и достаточно жесткое математическое обоснование и определяется исследователями как функция уменьшения неопределенности (энтропии) в пространстве слабых «стимуляций» при создании цельной информационной картины, применительно к нашему случаю – создание иллюзорных объектов (вторичных образов), инициируемое сигналами той или иной степени идентификационной значимости [15, с. 211-215]. Контекстуальное же восприятие эстетических единиц определяется существующими эталонными нормами [7; 12].

Таким образом, эстетическое отражение обладает механизмом, в значительной степени обеспечивающим адекватность своего виртуального информационного пространства реальному. Следовательно, выяснение гносеологических возможностей эстетического отражения и, шире, – гуманитарного сознания в целом – вопрос суммарной информационной емкости эстетических единиц, во-первых, и во-вторых, – характера распределения информации по различным уровням отражения.

Иначе говоря – возможно ли, чтобы определенные акты эстетического сопереживания провоцировали движение информации, качественно отличающейся от поступающей в наш мозг от органов чувств, и насколько сопоставимы в этом смысле единицы эстетического плана и абстрактные (символьно-понятийные) описания? Заметим при этом, что нас принципиально не интересуют нижние и верхние границы человеческого восприятия различных видов физического воздействия, хотя известно, что глаз человека способен воспринимать порции света, соизмеримые с отдельными фотонами.

Сложность гуманитарных моделей рефлексии признается таковой, что практически все ученые, когда-либо занимавшиеся попытками четкой формализации мыслительных и эмоциональных процессов, признают их тщетность [4; 14]. Невозможность математической обработки информации, заключенной в художественном выражении, исследователями видится также в фундаментальном качестве отражения окружающего человеческого сознанием – в его синтетичности и монолитности [8, с. 34]. Тем не менее, можно полагать, что введение в саму методику описания эстетических структур хотя бы условных математизированных, вернее – количественно значимых – моделей, в принципе, может быть признано допустимым. Мы, по крайней мере, способны указать ее нижний количественный предел. Для рапсодических шифров (кеннинги, постоянные эпитеты, другие формы эмблематичной тропики) обычным является регламентированное однозначное сопоставление первичного и вторичного объектов, причем только первичный объект реализован в сознании реципиента на трех (минимально) уровнях – рациональном, эмоциональном, чувственном-сенсорном [9; 10; 23], – вторичный же остается лишь кодовым обозначителем реального, и взаимная идентификация их происходит чисто умозрительно, на уровне рационального мышления:

A1 рациональное A2

A1 эмоциональное

A1 чувственное.

Считая, что для идентификации объекта по имеющимся связям достаточно минимально возможного количества информации (один бит информации по каждой имеющейся связи), мы определяем идентификационный минимум в 24 бита. Механизм подсчета предельно прост: мы считаем, что эстетически значимое выражение, выступающее в данном случае источником информации, характеризуется тотальной взаимосвязанностью всех элементов, причем для каждой пары объектов системы процесс идентификации взаимообусловлен: A1, например, определяет A2, и наоборот. Особое значение при этом имеет то обстоятельство, что общий объем содержательной информации зависит от так называемого ореольного (ассоциативного) окружения образа. Но без учета ореольной информации (не играющей особой роли при восприятии рапсодических шифров) ее суммарное количество представляется в виде $2N(N-1)$, где N – количество членов системы. Если для рапсодического шифра минимальным пределом является 24 бита, то для более сложных образных структур с полной реализацией первичного и вторичного объектов [20; 26] эта цифра многократно возрастает.

Во-первых, в этих структурах происходит распределение общего эстетического потенциала образа между первичным (A1) и вторичным (A2) объектами, т.е. оба они функционируют в сознании на всех уровнях отражения.

Во-вторых, ввиду значительной дерегламентированности восприятия, идентификация пары A1 – A2 происходит не напрямую (контекстуальный образ может сильно отличаться от модели объекта, живущей

в сознании читателя), но созданием посредника – синтетического ассоциативного объекта АЗ. Модель образований такого типа будет иметь (в простейшем случае) вид девятичленной системы:

А1 АЗ А2 – рациональный уровень

А1 АЗ А2 – эмоциональный

А1 АЗ А2 – чувственный (сенсорный).

Третье и последнее, имеющее особое значение, – подключение к акту эстетической рефлексии так называемого ореольного смыслового окружения. Очевидно, что с учетом ореольной информации даже первого порядка суммарный показатель абсолютного минимума представляется в виде $4N(2N-1)$, где N – количество компонентов образа.

Нетрудно подсчитать, что для классических понятийных образов (девятичленные системы) минимум, с привлечением внешней ассоциативности, составляет 612 бит, рассмотрение более сложных структур приводит нас к числам, далеко превосходящим аналогичные показатели символично-понятийного описания для простых систем.

Учитывая, что эволюция эстетических систем сделала обычным явлением в поэтических, например, текстах употребление двухъярусных структур (система из тридцати шести элементов), и что поэтическое произведение не есть простой набор изолированных образов, а следовательно контекстуально содержание образа неизмеримо больше его собственного, мы подходим к выводу о сопоставимости объемов информации эстетического пространства с ее количеством, охватываемым символично-понятийным описанием.

Для рапсодического шифра, абсолютный минимум которого составляет 24 бит, даже случайное образование дублирующей идентификационной системы труднопредставимо, так как для эстетического описания реального объекта (без ореольного окружения) по нашей упрощенной модели теоретический необходимый минимум составляет 144 бит (необходимо создание полноценного образа из первичного, вторичного и ассоциативного объектов, каждый из которых реализован на трех уровнях рефлексии – 9-членная единица без собственного набора внешних ассоциаций), чего не дает и ореольная информация рапсодического кода (если даже таковой имеется) в рамках минимального информационного предела системы.

Но на более сложных уровнях эстетического описания на сегодняшний день мы не видим причин, препятствующих случайным флуктуациям информационных массивов, которые могут привести к осознанию ранее не идентифицировавшихся объектов и явлений.

Биофизиологической и генерационной базой подобного феномена может быть достаточно хорошо изученное явление опережающего отражения, возможность которого со всей неизбежностью вытекает из фундаментальных принципов зарождения и развития сложных систем, сформулированных еще В. И. Вернадским [11], и представляющее собой важнейшую адаптивную систему живых высокоразвитых организмов.

Список литературы

1. Абдеев Р. Ф. *Философия информационной цивилизации*. М.: Владос, 1994. 336 с.
2. Аль-Фараби. *О разуме и науке*. Алма-Ата: Наука, 1975. 142 с.
3. Андреев А. Л. *Художественный образ и гносеологическая специфика искусства*. М.: Наука, 1981. 192 с.
4. Анохин П. К. *Точки над «i»*. Возможное и невозможное в кибернетике. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 222 с.
5. Арнаудов М. П. *Психология литературного творчества*. М.: Прогресс, 1970. 656 с.
6. Аткинсон Р. *Человеческая память и процесс обучения*. М.: Прогресс, 1980. 526 с.
7. Борев Ю. Б. *Эстетика*. М.: Изд-во политической литературы, 1969. 350 с.
8. Брушлинский А. В. *Мышление и прогнозирование*. М.: Мысль, 1979. 230 с.
9. Василев С. *Теория отражения и художественное творчество*. М.: Прогресс, 1970. 496 с.
10. Вейман Р. *История литературы и мифология*. М.: Прогресс, 1975. 344 с.
11. Вернадский В. И. *Биогеохимические очерки*. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 241 с.
12. Гей Н. К. *Художественность литературы*. М.: Наука, 1975. 427 с.
13. Егоров В. С. *Философский реализм*. М.: Изд-во РАГС, 1994. 286 с.
14. Заде Л. А. *Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений*. М.: Мир, 1976. 167 с.
15. *Исследование проблем психологии творчества* / под ред. Я. А. Пономарева. М.: Наука, 1983. 336 с.
16. Кодуэлл К. *Иллюзия и действительность*. М.: Прогресс, 1969. 368 с.
17. Кругликов Р. И. *Принцип детерминизма и деятельность мозга*. М.: Наука, 1988. 224 с.
18. Кузанский Н. *Собрание сочинений: в 2-х т.* М.: Мысль, 1980. Т. 1. 471 с.
19. Ленин В. И. *Материализм и эмпириокритицизм*. М.: Изд-во политической литературы, 1986. 478 с.
20. Лотман Ю. М. *Структура художественного текста*. М.: Искусство, 1970. 384 с.
21. Петрушенко Л. А. *Самодвижение материи в свете кибернетики*. М.: Наука, 1971. 290 с.
22. Платон. *Собрание сочинений: в 3-х т.* М.: Мысль, 1970. Т. 2. 610 с.
23. Потебня А. А. *Эстетика и поэтика*. М.: Искусство, 1976. 612 с.
24. Пригожин И. Р. *От существующего к возникающему*. М.: Наука, 1985. 328 с.
25. *Проблемы физики: классика и современность* / под ред. Г. Ю. Тредера; пер. с нем. и англ. М.: Мир, 1982. 328 с.
26. Редекер Х. *Отражение и действие. Диалектика разума в художественном творчестве*. М.: Прогресс, 1971. 168 с.
27. Рейковский Я. *Экспериментальная психология эмоций*. М.: Прогресс, 1979. 392 с.
28. Рейхенбах Г. *Философия пространства и времени*. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
29. Толанд Дж. *Избранные сочинения*. М. – Л.: Государственное изд-во, 1927. 192 с.
30. Хофман И. *Активная память. Экспериментальные исследования и теории человеческой памяти*. М.: Прогресс, 1986. 312 с.
31. Чуприкова Н. И. *Слово как фактор управления в высшей нервной деятельности человека*. М.: Просвещение, 1967. 308 с.

GNOSEOLOGICAL RESOURCE AND ADVANCE INFORMATION OF THE POETIC IMAGE

Tolgurov Takhir Zeitunovich, Doctor in Philology
Institute of Caucasus Archaeology
kangaur64@yandex.ru

The article discusses the preventive formation phenomenon of aesthetic models of objects, not identified in the real universe by rational consciousness. The author introduces the concept of lower information limit of poetic image and shows, that among the most developed types of poetic structures there is a possibility of occurrence of virtual objects matrixes, identified at the lower level of organization.

Key words and phrases: abstract-conceptual; gnoseological; real; virtual; information; halo; associative; poetic.

УДК 821.09

Статья посвящена описанию механизма передислокации точки наблюдения и эмотивной идентификации в произведениях С. Довлатова. Авторы предлагают свою точку зрения на особенности манеры повествования Довлатова, согласно которой его нарратив строится на регулярной смене активного субъекта описания; определяют «когнитивный перенос» как апелляцию к различным культурным, временным и пафосным континуумам, обеспечивающим выразительность и информационную насыщенность текстов Довлатова.

Ключевые слова и фразы: текст; эстетическое представление; синтаксис; когнитивный перенос; повествование; нарратив; сюжет; микросюжет; описание; модальность; хронотоп.

Толгуров Тахир Зейтунович, д. филол. н.
Институт археологии Кавказа, г. Нальчик
kangaur64@yandex.ru

Кушхова Жанета Артуровна
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. Бербекова

КОГНИТИВНЫЙ ПЕРЕНОС В ТЕКСТАХ С. ДОВЛАТОВА

Относительно сюжетных особенностей произведений Довлатова заметного разнообразия мнений не наблюдается, все исследователи и комментаторы его творчества делают особый упор на «стянутый» рисунок рассказанных им историй и их отдаленность от фабульной основы. Это вполне ожидаемо, так как, несмотря на явное стремление автора к созданию эффекта собственного присутствия, приближения ощущений от рассказов к личному опыту писателя, каждый из текстов Довлатова, проходя длительную и иногда мучительную обработку, как правило, в результате представлял полисубъектную картину рефлексирования. Проза Довлатова, невзирая на видимую простоту, даже «опрошенность», предполагает очень высокую культуру восприятия и тонкий литературный вкус [9].

Обработка первичного материала – реальных случаев и наблюдений из собственной жизни – проходила у писателя в несколько стадий [11] и в конечном итоге предполагала формирование текста с очень высокой культурной ёмкостью, богатейшим ассоциативным шлейфом и одновременно – погруженного в актуальную коммуникативную среду – Довлатов осознанно творил «для людей» [8]. Адресации Довлатова современны, часто не узнаваемы, но несомненны. Некоторые из них достаточно неожиданны – А. Генис констатирует прямые переключки прозы диссидента 80-х с пушкинскими произведениями [1]. Логично, что фабула претерпевала под пером писателя серьезные изменения, прежде чем превратиться в сюжет готового произведения, и также логично, что каждый такт эстетического представления у Довлатова отделан, отшлифован и доведен до максимально возможной степени совершенства. Это, естественно, предопределило необычайно высокую информационную интенсивность довлатовской фразы, сказавшись на технике его сюжетостроения.

Краткость изложения, по всеобщему признанию, является постоянной стилиобразующей чертой прозы Довлатова. Это качество соотносят и с синтаксисом его текстов, и с образными характеристиками, и с самим темпом прохождения всех стадий повествования от экспозиции до развязки. Однако такое мнение во многих случаях воспринимается, скорее, как инерционное – своеобразный литературоведческий штамп, неизвестно кем прикрепленный к писателю. Характеристика синтаксиса писателя автоматически проецируется и на структуру сюжета его рассказов – в обобщенной характеристике он «сжат» до предела: характеризуя его изложение в целом, персонажи, образность, ход событий, исследователи часто используют термин «кларизм», в отношении прозы Довлатова означающий «прозрачность» [10].

Хотя очевидно, что многие, если не большинство, из его произведений так и не имеют законченного и логичного сюжетного завершения – это, собственно говоря, начатые истории, интерес к которым автор теряет до того, как читателю становится ясным их итог. Таковы тексты цикла «Зона» [4], сборников «Наши» [6] и «Иностранка» [5], книги «Чемодан» [7].